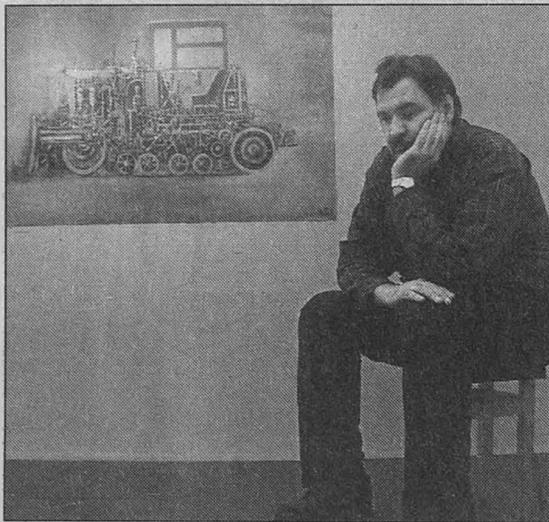


28/09/04

ПЕРСОНА

Константин Батынков:
«Всегда есть сумасшедшие,
даже среди бизнесменов»



Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ

У Константина Батынкова есть одна особенность: что бы он ни нарисовал, все получается смешно. Вот, например, нарисовал к 30-летию «бульдозерной выставки» штук тридцать простых бульдозеров. Приложил к ним схемы из книг, некоторые разукрасил – получилось смешно. А однажды нарисовал, как люди собирают картофель. Обычная такая картина: черное поле, серое небо, люди собирают картофель, – все чуть не умерли от смеха. Хотя, почему смешно, Батынков не знает. «Я вообще ничего не знаю, – говорит он грустно. – Как жить дальше, что рисовать?». И тут же, застенчиво: «Вы случайно не с похмелья?». Кстати, митьки, к которым идеологически принадлежит Батынков, считают, что тот «твердо движется ко второй стадии алкоголизма». Но это не так.

– Нет, я не с похмелья, но вы опохмеляйтесь, пожалуйста, если вам так нужно. А правда, что Батынкова начали покупать офисы?

– Правда. Одну картину купили. Маленькую. А чего тут такого? Всегда есть сумасшедшие, даже среди бизнесменов. А иногда бывает, приходишь в офис, а там – головы животных по стенам висят.

– Красиво. Но бульдозеры, на мой взгляд, лучше. Особенно вот эти, которые в рядок движутся. Типа слоников.

– Ну да. А у кого-то сабли висят. А в «Альфа-банке» знамена советские собирают.

– Вы сказали, что вам грустно, и что без водки сейчас нельзя. Почему так?

– Все меняется очень быстро. Год-два, и художник никому не нужен. И как жить – непонятно. Вот, например, Свиблова со своей фотографией. И что? Всё, фотографией наелись. Сейчас лэнд-арт попрет. Но тоже ненадолго. Все время надо меняться и соответствовать. А не хочется.

– Но вам-то грех жаловаться. Все знают: Батынков – очень хороший художник. Я бы даже сказала – один из лучших. Или даже – лучший.

– Нет, не лучший. Я рисую быстро и плохо. А надо медленно и хорошо.

– А Звездочетов вообще говорит, что он рисовать не умеет.

– Он извращенец. Рисовать – это приятно. Особенно, если бумага хорошая, кисточка там какая-нибудь. Это как есть, или любовью заниматься. А лучше – все одновременно: рисовать, есть и любовью заниматься.

– Вы по-прежнему мечтаете проиллюстрировать Книгу Гиннесса?

– Конечно! Кто что съел, кто куда прыгнул. Это такой бред! Так приятно его рисовать.

– Ваше творчество изначально литературно, как и полагается в русской традиции. Но у вас – очень яркая интонация, ее ни с какой другой не спутаешь. И при этом вы не относите себя к современным художникам. Как так?

– Я – иллюстратор. Не более того. Когда, например, была кабаковская выставка, надо было дать интервью, за что ты любишь Кабакова. А я его не люблю. За что его любить? Я люблю Ренуара, Вермеера. А о современных художниках я вообще не думаю.

– Планы есть?

– Планов до фиги. Целый блокнотик исписал. Из крупных – сделать что-нибудь на следующий год к 60-летию Победы. У меня два деда служили.

– Будете делать серьезную работу?

– Конечно. Над этим нельзя смеяться. Это самое радостное событие в истории России XX века. А вообще, совсем серьезным трудно быть. Вот Жванецкий – серьезный?

– Не знаю. Но не смешной – это точно.

– Вот и я о том же говорю. ■